

Фридрих Великий и его величие

Король Пруссии Карл Фридрих II (1712–1786), вошедший в историю как Фридрих Великий, был королем Пруссии с 1740 года до конца своих дней. В народе этого выдающегося представителя династии Гогенцоллернов прозвали Старым Фрицем. В этом прозвище соединились и симпатия немцев к своему королю, и признание его государственной мудрости.

История жестко селекционирует политиков по их вкладу в государственное развитие. Германия чтит, пожалуй, больше других своих лидеров последних столетий Бисмарка и Аденауэра, а из более отдаленных по времени правителей — бесспорного политического лидера XVIII века Фридриха II. Он один из немногих германских политических деятелей, которым современные немцы продолжают гордиться, не вникая в детали его правления. А они, эти детали, очень любопытны.

Главная из них состоит, вероятно, в том, что он по своей судьбе, а также по своим способностям и человеческим качествам совсем не подходил для роли государственного лидера. Будущий Фридрих Великий в первые годы жизни и не мечтал о короне, поскольку был третьим сыном в семье. Но два его старших брата умерли в детские годы, открыв ему путь к власти. С детских лет Карл Фридрих увлекался философией, литературой, музыкой, танцами, композицией. Прекрасно играл на флейте. Рос во многом под влиянием матери — дочери английского короля Георга I. Заметное влияние оказывали на него французские педагоги, в результате чего он проникся любовью к французской литературе и французской общественной мысли, бывшей во многом по праву и современной общеевропейской. Казалось, что его тонкая впечатлительная натура совершенно не соответствует качествам, необходимым будущему монарху. Его отец Фридрих Вильгельм I мечтал не о таком преемнике. По мнению жесткого и властного короля, наследник престола должен был расти государственным и воином, а не тонким знатоком литературы и искусства.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто ж мог тогда предположить, что талант преемника столь огромен, что вместит в себе многие взаимоисключающие, казалось бы, качества. Не знал этого и сам Карл Фридрих. В юности он конфликтовал с отцом, отстаивая свое право на собственные взгляды и пристрастия. Не добившись понимания отца, он, восемнадцатилетний юноша, даже пытался сбежать из родительского дома к деду в Англию, но его дерзкая попытка отцом была жестко пресечена: Карл Фридрих был по приказу Фридриха Вильгельма I арестован и заточен на два года в крепость. Ситуация во многом напоминала конфликт между российским государем Петром I и его сыном царевичем Алексеем, случившийся 12 годами раньше. Но если царевич Алексей Михайлович по приказу отца был казнен без суда, то в случае с прусским наследником все сложилось иначе. У Фридриха Вильгельма I, желавшего судить сына за предательство, не хватило «административного ресурса» на осуществление возмездия: давление со стороны английского короля и других европейских монархов, а также внутривнутриполитических сил в самой Пруссии, не позволило ему осуществить задуманное. Суровый король в отличие от российского царя оказался бессильным в условиях политической осады и был вынужден проявить западноевропейскую цивилизованность. Как показало время, не напрасно. Сын, как военный и политический деятель, во многом превзошел своего отца. Правда, всех достижений наследника его отец увидеть не успел.

Выйдя из крепости, Карл Фридрих был вынужден пересмотреть свое отношение к отцу, к власти и найти компромисс в отношениях с королем, который позволил ему не без труда восстановить доверие короля Пруссии и стать его верным помощником в осуществлении военно-политических планов. В двадцать лет он стал шефом пехотного полка, проявив удивительную смелость на поле боя. Возможности для самоутверждения и проявления воинской храбрости были большие: Пруссия отчаянно боролась за то, чтобы присоединить к себе часть ослабевшей Польши, что получилось весьма успешно.

Не отрекаясь от своих юношеских увлечений литературой и искусством, наследник прусского престола на радость королю заметно сместил свои жизненные акценты. Он увлеченно стал совершенствоваться не только в военном деле, но и в изучении природы государственной деятельности. Пытливый ум, воля, настырность, самолюбие и явная предрасположенность к аналитической деятельности стали тем фундаментом, на котором молодой человек сам выстраивал стратегию своего будущего правления страной, территорию которой ему предстояло увеличить вдвое.

В 1738 году, за два года до того, как взойти на престол, Карл Фридрих стал масоном, существенно расширив круг своего политического влияния как в Пруссии, так и в Западной Европе в целом. Укреплению его политического авторитета существенно способствовала и его конфессиональная толерантность. По мнению принца-лютеранина, не существовало «плохих» вероисповеданий. Такая компромиссная позиция в отношении веры принесла ему как сторонников, так и противников. Сторонников, вероятно, было гораздо больше.

После кончины отца в 1740 году Карл Фридрих стал королем Пруссии. К тому времени он уже был сложившейся личностью. Его здравые мысли по поводу государственного строительства, сопровождавшиеся последовательными практическими действиями, снискали ему славу мудрого правителя, короля-философа, что было нехарактерно для европейских монархий того времени. Он свободно владел английским, французским, испанским, итальянским и португальским языками. Кроме того, читал по-гречески, по-древнегречески и на латыни.

Фридрих Великий был отважен в бою, холоден к женщинам и отличался язвительностью по отношению к окружающим. Но, вероятно, он все же был неплохим человеком, поскольку любил собак.

Как просвещенный монарх, он покровительствовал наукам и искусству, подавая личный пример в их развитии. Современники были благодарны ему за то, что он отменил

ПРЕДИСЛОВИЕ

цензуру, создал Берлинскую академию наук, открыл первую в Пруссии публичную библиотеку, отменил пытки и провел судебную реформу. Потомки оценили тот факт, что при его правлении Пруссия вышла в ряд мощнейших государств Европы. К сожалению, во времена Третьего рейха он был кумиром многих нацистских лидеров, но, как известно, яд может быть не только лекарством, но и отравой.

Фридрих Великий, будучи формально женатым, не оставил наследников. Однако его наследие огромно. В первую очередь, научное. Он был одним из немногих, если не единственным, монархом-исследователем высочайшего научного уровня. Многие его теоретические труды актуальны до сих пор. Среди них историко-философские произведения «История раздела Польши», «История своего времени», «Письма о любви к Отечеству», «Рассуждения о различных образах правления и об обязанностях государей». Большая часть научного наследия короля — результат его творческих изысканий, сделанных в зрелом возрасте. Но как это иногда бывает, одна из самых его блистательных научных работ — политический трактат «Анти-Макиавелли» — была написана в 1739–1740 годах, перед самым вступлением автора на прусский престол. В то время автору трактата, ставшего одним из самых читаемых произведений в просвещенной Европе, было лишь 28 лет. Сейчас в таком возрасте современные исследователи в лучшем случае защищают кандидатские диссертации.

Скорее всего, трактат не завоевал бы столь стремительной популярности, если бы не протекция Вольтера, с которым прусского принца связывала если не прочная дружба, то, во всяком случае, доверительная переписка. Знаменитый французский философ-просветитель лично отредактировал и опубликовал трактат венценосного ученого. Выход трактата в свет научным сообществом, не знавшим имени автора, поскольку произведение было издано анонимно, было встречено с большим вниманием, разделив европейских интеллектуалов на сторонников и противников авторской позиции.

Никколо Макиавелли, знаменитый итальянский политик, мыслитель, военный теоретик, творивший еще за двести лет до появления трактата Карла Фридриха, разумеется, не мог выступить в защиту своего произведения «Государь», подвергнувшегося критике за цинизм его содержания. Н. Макиавелли в своей работе описал механизмы захвата и удержания власти, снабдив их подробным обоснованием личностных качеств, необходимых, по его мнению, правителю государства. Итальянский ученый считал, что единство вооруженной силы и добродетели является гарантией успешного государственного правления.

Спустя двести лет, когда динамика общественного развития была особенно заметна в нравственной сфере, будущий прусский король признал непригодной макиавеллиевскую модель государственного управления, главным слабым звеном которой была абсолютизация власти как самоцели при полном игнорировании интересов подданных государства. Наследник прусского престола доказывал, что главная цель монарха состоит в поддержании благополучия и процветания своих подданных. И это не была просто декларация: Карл Фридрих предлагал стройный алгоритм действий монарха, заинтересованного в развитии своего государства. Наши современники не без основания могли бы посчитать труд «Анти-Макиавелли» удачным пиар-ходом будущего монарха, заявившим фактическую нравственную программу своих будущих политических действий на посту лидера нации.

В современных условиях, когда макиавеллиевский цинизм по отношению к простым людям и прагматизм укоренения власти очень созвучны российской внутривнутриполитической практике, мнение ученого монарха Фридриха Великого, делавшего ставку на гуманизм и человеколюбие, поддерживаемые реальной властью, очень важен для нового прочтения. Он не утратил своей актуальности, а, напротив, стал чрезвычайно востребован в качестве целесообразного и единственно верного пути управления государством.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Опыт любого государственника, прирастившего, а не растратившего потенциал своей страны, всегда интересен и достоин изучения. Опыт Фридриха Великого — тем более, поскольку прусский монарх был теоретиком, во многом подтвердившим свои умозаключения неопровержимо эффективной практикой.

С.Н. Полтораки,
доктор исторических наук, профессор,
профессор Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого,
главный редактор журнала «Клио»

АНТИ-
МАКИАВЕЛЛИ,
ИЛИ ОПЫТ ВОЗРАЖЕНИЯ
НА МАКИАВЕЛЛИЕВУ
НАУКУ ОБ ОБРАЗЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРАВЛЕНИЯ

Предисловие

Сочинение Макиавелли, касающееся науки об образе государственного правления, по отношению к нравоучению обладает тем же самым свойством, что и сочинение Спинозы, связанное с рассуждением об исповедании веры. Спиноза, учением своим разрушив основание веры, желал упразднить и само исповедание. В отличие от него, Макиавелли, приведя в негодность науку управления, создал такое учение, которое здоровый нрав превратило в ничто. Заблуждения первого были только заблуждениями его разума, но заблуждения последнего связаны также и с практикой исполнения тех оснований, которые приводились в его книге. Между тем богословы, приняв вызов Спинозы и направив на него оружие своей учености, опровергли его самым основательнейшим образом, оградив тем самым учение о Божестве от его нападок. Макиавелли же, напротив, невзирая на то, что он проповедовал вредное нравоучение, хотя и был частично опровергнут некоторыми, однако даже до наших времен считался знатоком науки управления.

Поэтому я предпринял попытку защитить человечество от врага, который само это человечество стремится упразднить. Противопологая рассудок и здравомыслие обману и порокам, я вознамерился своими рассуждениями опровергнуть так сочинение Макиавелли — от первой главы до последней, чтобы это противоядие непосредственно следовало за заразой данного учения.

Я всегда считал Макиавеллиеву книгу об образе государственного правления одной из самых опаснейших среди всех вышедших до настоящего времени сочинений. Эта книга, без сомнения, должна дойти до рук, любящих науку управления. Однако никто не способен так быстро посредством поощряющих слабости правил, приведенных в ней, быть развращен, как молодой честолюбивый человек, дух и разум которого еще не изощрены в том, чтоб правильно различить добро и зло.

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ

И разве не почитается уже за зло то, что развращает невинность частного лица, несведущего в делах сего света? Но уж гораздо вредоноснее будет развращение государей, которые управляют народами, производят суд, являют пример своим подданным и которые через свое благотворение, великодушие и милосердие должны быть живым подобием божества.

Наводнение, опустошающее земли, молнии, обращающие города в пепел и моровое поветрие, истребляющее народ целыми областями, не могут быть столь вредоносны, как опасное учение и необузданные страсти государей. Гроза небесная продолжаясь лишь малое время, опустошает только некоторые области. Убыток от них хотя бывает и чувствителен, однако его всё же можно возместить. Но что касается пороков государей, то вред от них своему народу гораздо длительнее.

Когда государи имеют возможность делать добро, если они этого пожелают, то равным образом имеют они также власть и силу, по определению своему, делать зло, и тогда сожаления достойно то состояние подданных, в котором они находятся по причине злоупотребления высочайшей властью: если бывают подвержены опасностям их собственность от ненасытности государя, их вольность от его своенравия, их спокойствие от его честолюбия, их безопасность от его недоверчивости и их жизнь от его бесчеловечия. Печальна участь того государства, в котором правитель захотел бы царствовать по предписаниям Макиавелли.

Впрочем, я не ранее того завершу свое вступление, как упомяну о тех, кто думает, будто Макиавелли скорее описывал то, что действительно делают сами государи, чем советовал, что им надлежит делать. Эта мысль многим понравилась потому, что позволила смотреть на сочинение Макиавелли как на сатиру.

Все те, кто против государей произнес это изречение, без сомнения имели в виду злых князей, живших в одно время с Макиавелли, деяниями которых он руководствовался, или всех, кого обольстила жизнь некоторых тиранов, этого

Фридрих II.
Музей Герцога Антона Ульриха, Германия

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ

позорного пятна человечества. Я прошу этих судей, дыбы они приняли во внимание то, что соблазн престолом бывает слишком силен, чтобы против него устояла добродетель, присущая человеческой природе, и поэтому не стоит удивляться, если среди столь великого числа добрых государей можно найти несколько злых. Так, из числа римских императоров, исключив Нерона, Калигулу и Тиберия, каждый вспоминает с удовольствием Тита, Траяна и Антония, приобретших добродетелью священное имя.

Таким образом, считаться должно за великую несправедливость, если бы бремя, которое принадлежит только некоторым из них, возложено было на всех государей, и поэтому следовало бы в жизнеописаниях сохранять имена только замечательных властителей. И напротив, имена других вместе с их небрежением, несправедностью и пороками, предавать вечному забвению. Правда, от этого уменьшилось бы число исторических книг, однако возвысилось бы человечество, и честь быть включенным в историю, и сохранить имя свое для будущих времен, или лучше сказать, предать себя вечному воспоминанию, стало бы воздаянием за добродетель. Тогда Макиавеллиево сочинение не заражало бы уже больше политических кабинетов. Тогда бы каждый гнушался противоречий, в которые Макиавелли впадает беспрестанно, и свет согласился бы предпочесть истинную, основанную на правосудии, остроумии и милосердии, науку государственного управления несправедливому и гнусному учению, которое Макиавелли дерзнул предложить человечеству.

Глава I. О различных видах правления, и каким образом можно стать государем

Если кто-либо пожелает основательно рассуждать о некоторой вещи, то ему надлежит прежде всего исследовать ее свойство и, насколько это возможно, рассмотреть предшествующее ей; в этом случае ему нетрудно будет вывести отсюда и всевозможные следствия. Прежде, нежели Макиавелли сделал различие между державами по свойственному им образу правления, надлежало ему, по моему мнению, первоначально исследовать начало оно, и показать причины, побудившие вольный народ, принять себе государя.

А поэтому разве, не следовало бы ему, как мне кажется, в книге, в которой он принялся проповедовать о злодеяниях и бесчеловечности, сделать напоминание о том, чем истребляется варварство? Макиавелли не говорит в результате о том, что народы для своего спокойствия и безопасности признали необходимым иметь судей для прекращения ссор, защитников для сохранения от неприятеля пользования своим имуществом и жизнью, государей для соединения частного с общенародным благом, что они ради своего блаженства в самом еще начале избирать из своего числа самых мудрейших, справедливейших, не корыстолюбивых, дружелюбных и мужественных людей.

И каждый государь должен почитать такой суд важнейшим для себя предметом, и он должен стремиться вершить его ради благоденствия народа, которое государь обязан предпочитать всем прочим выгодам. Правитель не является неограниченным собственником народа, но выступает для своих подданных не кем иным, как верховным судьей. Но поскольку я предпринял последовательное опровержение вредного учения Макиавелли, то считаю нужным высказывать

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ

свое мнение в той мере, в которой его определяет содержание каждой главы.

Природа происхождения государей делает поступок тех, которые незаконным путем присваивают чужие земли, еще более жестоким. Они попирают ногами первый закон смертных, который состоит в том, что соединение в людей в державу происходит ради защиты от им подобных, и это тот самый закон, который осуждает бессовестных победителей. Они прямо вступают в противоречие с намерением, изъявленным народом. И напротив, если народ находится под властью государя, который поработил его насильно, то в таком случае он не только самого себя, но и всю свою собственность жертвует ему, чтобы тем самым удовлетворить ненасытность и своеобразие тирана.

Впрочем, существует три законных средства с помощью которых можно стать государем: по наследству, по выбору того народа, который имеет право выбора, и, третье, если некто овладеет вражескими землями посредством справедливой войны. Всё это полагаю я за основание, на которое буду ссылаться в последующих своих рассуждениях.